

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

И. Д. Баландина¹, Т. Н. Москвитина¹, Ал. А. Селютин²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» в рамках научно-исследовательской работы «Социальные институты и процессы: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале английского языка)». Заявка № 34-05/2019 от 26.09.2019.

Статья раскрывает и обобщает основные понятия когнитивной науки (когнитивный принцип, когнитивный подход, когнитивный аспект). Авторы исследуют разные подходы к пониманию дискурса и вводят понятие «узкоспециальный институциональный дискурс». Целью работы является изучение особенностей юридического дискурса и юридической метафоры в рамках когнитивного подхода. Обосновывается необходимость и перспективность исследования юридического дискурса и юридической метафоры с позиций когнитивного подхода и с учетом когнитивного принципа.

Ключевые слова: когнитивный принцип, когнитивный подход, узкоспециальный институциональный дискурс, юридический дискурс, юридическая метафора.

Несмотря на относительную молодость когнитивной науки, она обладает широким понятийным аппаратом, который зачастую лишен однозначности даже среди известных ученых, занимающихся данным направлением. Этим фактом, а также тем, что изучение механизмов восприятия, понимания и порождения речи являются перспективными с точки зрения развития различных наук, и объясняется актуальность данной статьи.

В данной статье мы даем определение понятиям «когниция», «когнитивный подход», «когнитивный аспект», «когнитивный принцип», а также доказываем возможность и необходимость изучения юридического дискурса в рамках когнитивного принципа описания языковых явлений. Новизна статьи определяется вкладом, который она делает в определение структур и схем анализа юридического дискурса и юридической метафоры, а также введением нового понятия «узкоспециальный институциональный дискурс».

Цель статьи — изучить разные подходы к исследованию дискурса. Поставленная цель потребовала решения следующих задач: 1) определение понятий «когнитивный подход», «когнитивный принцип», «когнитивный аспект»; 2) разграничение вышеуказанных понятий; 3) определение понятий «дискурс», «институциональный дискурс»; 4) выделение особого вида дискурса «узкоспециальный институциональный дискурс» и определение его особенностей; 5) определение понятий «юридичес-

кий дискурс» и «юридическая метафора» и обоснование целесообразности их изучения в рамках когнитивного подхода.

Когнитивная лингвистика как полноценное ответвление лингвистики начала развиваться в конце XX века, однако ее основы были заложены значительно раньше. Как известно, когнитивными называются процессы, связанные с познанием, восприятием и переработкой информации, поступающей извне. Относительно лингвистики это означает активное участие языка в познавательном процессе и возможность проследить процесс познания народа по развитию его языка. Именно поэтому когнитивные исследования набирают все большую популярность.

Основным термином когнитивной лингвистики является «когниция». Согласно словарю когнитивных терминов, «когниция», как правило, обозначает «познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов — восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и прочего, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком» [6. С. 81]. При этом информация может поступать либо в чистом виде — из непосредственного источника, либо опосредованно. Человек накапливает

опыт посредством когниции, обрабатывает его и передает дальше. Так и строится когнитивное пространство языка, состоящее, в свою очередь, из более крупных кластеров: пропозиции, фреймы, скрипты и сценарии. Таким образом, когниция как процесс позволяет соотнести вновь полученное знание с уже имеющимся, а при отсутствии последнего — выработать новую ментальную репрезентацию. Именно когниция обеспечивает возможность изучения различных явлений в когнитивном аспекте.

Для человеческого сознания характерно стремление к классификации новой информации, что подразумевает распределение полученной информации по уже существующим классам, знания о которых хранятся в сознании индивида, а в более широком смысле — в коллективном сознании группы (социальной, профессиональной, этнической и т. п.). В случае если явление не поддается классификации по причине новизны, когнитивный процесс протекает тяжелее, но при этом происходит накопление нового опыта. На этом и основано изучение лингвистических явлений в когнитивном аспекте.

Когнитивный подход подразумевает решение традиционных для данной науки проблем методами, включенными в когнитивный аспект (что подразумевает восприятие, мышление, познание, объяснение и понимание).

Под когнитивным подходом понимается постулат о том, что когнитивные структуры (то есть сознание, познание, мышление) находят выражение в языковой форме. В этом плане когнитивная лингвистика сближается с психолингвистикой, но не равна ей. По меткому замечанию А. А. Кибрика, «когнитивная лингвистика — это отнюдь не то же самое, что психолингвистика, ибо последняя — по крайней мере, в современном понимании — чрезвычайно техническая, глубоко экспериментальная дисциплина, в принципе совместимая с любым теоретическим подходом к языку» [4. С. 126].

При проведении исследований часто путают понятия «когнитивный подход», «когнитивный аспект» и «когнитивный принцип», мы попытаемся развести эти понятия. С нашей точки зрения, когнитивный аспект какого-либо явления — это та условная его «часть», которая либо связана с процессами познания, либо возникает как результат познавательного процесса. Например, когнитивный аспект синонимической аттракции глагольных номинаций — это причина, лежащая в сфере осознания действительности языком

и объективации фактов действительности в языке, по которой одни процессуальные единицы получают длинные синонимические ряды, а другие — короткие или не имеют их вовсе. Когнитивный подход — это изучение языка с точки зрения познавательных процессов, с точки зрения того, как процесс познания человеком окружающей действительности отражается в языке.

В свою очередь в основе когнитивного принципа описания и изучения языковых явлений лежит постулат о том, что язык есть объект и субъект познания. Изучение языка — это изучение того, как внеязыковые феномены отражаются и интерпретируются в языке.

В сферу основных задач когнитивной лингвистики входит изучение процессов речепонимания и речепроизводства, а также тех структур языкового знания, которые участвуют в переработке информации. Когнитивная лингвистика делает попытки описать и объяснить взаимодействие говорящего и слушающего с точки зрения передачи, обработки, структурирования и классификации информации.

Исследуя язык с учетом когнитивных принципов, лингвисты могут связать языковые явления и внеязыковую действительность, объясняя появление нового в языке переосмыслением индивидуального и коллективного опыта. И наоборот, изучение языка дает возможность объяснить явления окружающего мира актуальностью их для коллективного опыта.

Данный принцип исследования может быть применен практически к любым явлениям языка, поскольку язык и мышление взаимосвязаны в двух ипостасях — изменения в языке отражаются в мышлении, и наоборот, изменения в мышлении находят свое отражение в языке.

В качестве примера рассмотрим юридический дискурс и особенности его изучения с позиций когнитивного подхода.

До настоящего времени не существует единства ученых в определении понятия «дискурс». Одни ученые акцентируют внимание на динамическом характере дискурса в отличие от текста, другие — на сочетании в дискурсе языка и экстралингвистической действительности [5. С. 15; 1]. В рамках данной статьи под дискурсом понимается явление, сочетающее одновременно два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат [2. С. 130].

По мнению В. И. Карасика [3], в первую очередь дискурс делится на персональный и инсти-

туциональный, при этом в первом говорящий выступает как самостоятельная личность, тогда как во втором играет роль, определенную типом дискурса (педагогический — учитель и ученик; спортивный — спортивный журналист и читатель, комментатор и аудитория; юридический — адвокат и прокурор, судья и обвиняемый и т. п.). В рамках данного исследования в институциональном дискурсе мы выделяем группу узкоспециализированных дискурсов, базирующихся на терминосистемах и возникающих в результате взаимодействия в профессиональной сфере.

Юридический дискурс подобно прочим видам институциональных узкоспециализированных дискурсов, обладает рядом универсальных особенностей. К ним относятся:

— лимитированный характер (не каждый носитель языка способен понять и осмыслить данный дискурс без специальной подготовки);

— меньшая значимость экстралингвистических факторов, влияющих на продуцирование дискурса;

— гораздо большая в сравнении с остальными видами дискурсов объективность и точность лингвистического окружения;

— когнитивный механизм в данном типе дискурса подразумевает переход от одномерного исследования текста и языка терминосистем к многоплановому метафорическому описанию дискурса в контексте условий его создания и прагматических установок.

Мы предполагаем, что вид дискурса определяет его когнитивный потенциал. Очевидно, что художественный дискурс, аккумулирующий разные виды дискурса, так же, как рекламный или медиадискурс, обладает большей возможностью переосмысления лингвистического знака и метафорического моделирования.

До недавнего времени узкоспециализированные институциональные дискурсы находились вне внимания когнитивного подхода, поскольку считалось, что в силу конкретики и отсутствия коннотаций они не подвержены когнитивному переосмыслению. В нашей статье мы доказываем, что анализ юридического дискурса перспективнее всего осуществлять именно с позиций когнитивного подхода. В статье исследуются особенности юридического дискурса и юридической метафоры и делается вывод о необходимости и перспективности исследования юридического дискурса и юридической метафоры с позиций когнитивного подхода и с учетом когнитивного принципа.

В рамках данной статьи необходимо разобраться, что представляет собой юридический дискурс.

Юридический дискурс является одной из разновидностей терминологических систем. Когнитивно-деривационная и социальная сущность юридической лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям [2. С. 26]. Особенностью юридического дискурса и юридической терминосистемы является то, что часть терминов известна не только специалистам-юристам, но и — на бытовом уровне — практически любому носителю языка. На юридические термины распространяются все основные признаки терминологической лексики:

— однозначность понимания;

— отсутствие эмоционального компонента;

— автономность (независимость от контекста).

Все эти признаки, безусловно, снижают «когнитивный» потенциал юридического дискурса. Строгость и четкость юридических формулировок зафиксирована на законодательном уровне. Так, «Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» (утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10 января 2001 г. № 3/51) [7] предписывают следующее: «Использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.) не допускается». Аналогичные положения можно обнаружить в Приказе ГТК России от 14.12.2000 № 1155. Таким образом, получается, что особенности юридического дискурса не только складываются исторически; это один из немногих дискурсов, особенности которого зафиксированы документально. В связи с этим кажется, что возможности метафорического переосмысления юридического дискурса сильно ограничены, и возникает закономерный вопрос о целесообразности изучения юридического дискурса с позиций когнитивного подхода.

Наряду с уже упомянутой жесткой регламентированностью юридического дискурса можно выделить следующие его особенности:

1) наличие специальных понятий и терминов;

2) особая форма выражения права;

3) наличие речевых стандартов-клише;

4) правовое содержание;

5) долженствующе-предписывающий характер.

Юридические тексты содержат узкоспециализированные термины (в том числе термины-

словосочетания, особые клише, свойственные данному типу дискурса): *necessary defence, acquisitive prescription, standard, safety regulations, crime control*, — необходимые для наиболее точного наименования юридических понятий.

Необходимое требование, предъявляемое к любым типам научного дискурса, — объективность при передаче информации — достигается использованием в юридических документах (правовых актов и текстов юридических статей, приговоров) настоящего времени глагола, пассивных конструкций, комплексных грамматических конструкций, включая использование большого количества придаточных, например: *Generally speaking, we are not troubled by this constitutional paradigm. The problem is the more complex case, where more is involved than merely applying the law according to its uncontested meaning. Unsurprisingly, there are constitutional and common law rules that govern the “who, what, and when” of contested (meaning determinations [14].* (В целом мы не обеспокоены данной конституциональной парадигмой. Проблема заключается в более сложном случае, когда требуется больше, чем простое применение закона в соответствии с его неоспоримым значением. Неудивительно, что существуют конституционные и общие нормы права, которые регулируют так называемые «кто, что и когда» оспариваемых значений судебных определений¹).

Предписывающе-всеобщий характер информации юридических текстов наделяет особой важностью и информативностью подлежащее, которое может быть выражено не только существительным — специальным термином, но и широкозначными существительными и местоимениями (обобщенно-личными, неопределенно-личными) — *some, any, everyone, each*: *...The maximum penalty which may attach to any new criminal offence is a two year term of imprisonment [13]* (...Максимальное наказание, которое может быть назначено за любое новое уголовное преступление, составляет два года лишения свободы); *Any regulations seeking to update the maximum level of any financial penalty set out in section 2(5)(a) of the Bill will be subject to the affirmative procedure and therefore subject to the express approval of Parliament each time the powers are exercised [Ibid.]* (Любые нормативные акты, направленные на обновление максимального уровня любого финансового наказания, изложенного в разделе 2(5)(а) Билля, подлежат положительной

процедуре одобрения и, следовательно, подлежат прямому одобрению Парламента каждый раз, когда осуществляются его полномочия).

Данное свойство юридического текста также передается глагольными структурами со значением модальности необходимости, возможности, запрета, рекомендации, обязанности — *may make provision; may attach; must be able to require, can be required, is to be treated, is to be determined: The remaining provisions of this Act come into force on such day or days as may be appointed by regulations made by the Secretary of State [Ibid.]* (Остальные положения настоящего Закона вступают в силу в тот день или дни, которые могут быть назначены постановлениями государственного секретаря).

Неотъемлемое свойство юридического текста — его избыточность, передаваемая через полноту структур, разнообразие синтаксических и лексических средств, передающих логические связи. Причинно-следственные связи, логические структуры в текстах законодательных актов, комментариях к ним данные значения выражены различными языковыми средствами (*therefore, in the case of, if, on application, to show cause why, if a condition is imposed, for the purposes of, unless, provided*). Основные функции юридического дискурса (информационная, аналитическая, оценочная, предписывающая, воздействующая и прогнозирующая), таким образом, реализуются через спектр эксплицитных и имплицитных языковых средств. Доминанта юридического дискурса — текст юридических документов — является толчком в социально-правовом развитии общества, следовательно, исследование данного вида дискурса требует дальнейшего исследования в рамках когнитивного подхода.

Спектр ключевых концептов права, функционирующих в юридическом дискурсе, довольно широк: *law, crime, right, justice, injustice, evidence, proof, equality, guilt, innocence, defence, prosecution, offence, charge, discharge, prohibition, intention, argument, deceit, honesty, judgement, punishment, claim, court, inquiry, sentence*. В ядре юридического дискурса — язык законодательных актов, закон, предписывающий регулирование в различных социальных областях, видах человеческой деятельности: профессиональная деятельность юристов (*barrister, solicitor, army attorney, bar examinations, obtain a license*), экологическое право (*eco-law, eco-system, immigration*), бытовое общение (*marriage, property, adoption, divorce*), художественное творчество (*intellectual property, falsehood, patent act*),

¹ Здесь и далее перевод автора Т. Н. Москвитиной.

регулирование в медицине (*standard health benefit, clinically appropriate, health care providers*).

Юридический дискурс считается одним из наиболее актуальных дискурсов, поскольку охватывает и вовлекает в себя практически все слои общества. В зависимости от культурных и социальных условий коммуникативного акта, от цели общения говорящий выбирает наиболее приемлемые в данной ситуации языковые средства выражения смысла сообщения. То есть текст законопроекта (являясь научным текстом) содержит элементы официально-делового текста, речь адвоката — ораторского, статья в научном юридическом журнале, интервью адвоката или судьи — публицистического. В таких случаях изменяется план использования эмоциональных возможностей слова, усложняется синтаксическая структура высказывания, перестраивается логика построения текста. Структура языкового знака усложняется, происходит так называемое «приращение смысла» [8. С. 275].

Несмотря на вышесказанное, язык — это живой организм, и юридический дискурс функционирует в среде и используется живыми индивидами, поэтому «иногда судьи не сдерживают своих эмоций и допускают в текстах судебных актов использование риторических фигур: сравнений, метафор, гипербол, литот и др. Неуместность использования перечисленных экспрессивных средств языка в судебных актах определяется особенностями официально-делового стиля и языка судопроизводства» [10. С. 118]. И, следовательно, юридический дискурс так же подчиняется механизмам когнитивного моделирования, как и все прочие виды дискурса.

Под когнитивным моделированием подразумевается выстраивание соответствий между лингвистическими структурами текста (дискурса) и структурами представлений его автора [9. С. 417]. По мнению О. С. Федотовой, объектом когнитивного моделирования могут выступать самые разнообразные аспекты языковых явлений [11. С. 200].

Именно когнитивное моделирование позволяет построить схему, обеспечивающую накопление, обработку, систематизацию и хранение накопленных знаний о мире в мозгу человека. Поскольку многие лингвисты (М. Б. Антонова, Г. Г. Бондарчук, Л. А. Манерко, Г. И. Проконичев) полагают, что объектом когнитивного моделирования действительности могут стать любые аспекты языковых явлений, логично предположить, что и любые лингвистические феномены не только могут, но и должны стать объектом когнитивного моделирования.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможности метафорического моделирования действительности и, в частности, возможности когнитивного моделирования юридического дискурса. И здесь мы находим подтверждение гипотезы о том, что, несмотря на регламентированность юридического дискурса, юридическая терминология обладает определенной метафоричностью, которую можно и нужно изучать в рамках когнитивного подхода. Например, частотными метафорами юридической деятельности можно считать следующие термины: *to win a case, crime control, hard evidence, checks and balances mechanism*. Метафорический перенос уместен тогда, когда малопонятный специализированный термин (например, в законодательных актах и текстах судопроизводства) необходимо сделать понятным не только для профессиональных юристов, но и для людей, для кого юриспруденция не является профессией (например, в ходе судебного процесса, где присутствуют представители разных социальных групп).

Анализируя язык судопроизводства, ученые приходят к выводу о том, что метафорический перенос является необходимым и целесообразным тогда, когда изначально используемые термины слишком специфичны и могут быть правильно поняты и интерпретированы только специалистом данной области знания, но при этом целевой аудиторией являются люди, для которых юридическая наука не является профессией. Подобные ситуации имеют место, например, в случае общения адвоката с клиентом: *adversary, to defend a case, leapfrog appeal, etc.*

А. Г. Решенкин и Н. В. Павлов приходят к целому ряду выводов, представляющих важность для нашего исследования [10. С. 116].

Во-первых, вывод об агональности юридического дискурса, нашедшего выражение в метафоре «court — is war». В данном случае основанием для метафорического переноса выступает сходство в противоборстве сторон, старающихся одержать верх в борьбе: на войне стороны стремятся победить друг друга, в суде сторона обвинения пытается выиграть у стороны защиты, следовательно, суд — это война.

Во-вторых, частое использование стертых метафор в законодательстве позволяет, с одной стороны, значительным образом формировать взгляды общества на то или иное явление, формировать общественное мнение и оправдывать комплекс мер, направленных на решение той или иной проблемы. Таким образом, реализуется прескриптивная

функция метафоры, когда формируемый ею образ воспринимается как стимул для действия.

В-третьих, наиболее часто используемые модели в юридической деятельности: «война» (killing arguments), «спорт» (competing process). В коммуникации метафора используется как форма, содержание, смысл которой может меняться в зависимости от целей и обстоятельств.

В-четвертых, эмоциональная функция метафоры не теряет актуальности и в научном юридическом тексте. Проявления этой функции метафоры имеют большое юридическое значение, так как отдельные эмоции, успешно вызываемые метафорой, ведут к правовой оценке ее применения [например: *joy riding* (угон автомобиля с целью покататься на нем) — указывает на несерьезность преступления; *deadline* (предельный срок) — демонстрирует невозможность нарушения сроков без последствий], а следовательно, могут повлиять на процесс принятия судебных решений.

Значительно больший интерес к юридической метафоре наблюдается со стороны зарубежных исследователей. Среди работ, посвященных метафоре в юридическом дискурсе, следует отметить исследование Джима Аккарди [13], проанализировавшего потенциал метафоры как средства повышения убедительности в прениях сторон, завершающих судебное заседание. На примере ряда метафорических моделей, функционирующих в обвинительных и оправдательных речах участников судебного процесса, автор демонстрирует механизм создания метафоры и ее метафорические следствия, прагматика которых состоит в побуждении к действию — признанию справедливого или несправедливого характера предъявляемых обвинений.

Профессор права из Университета штата Вайоминг, США, Майкл Р. Смит в дискурсивном аспекте рассмотрел функционирование метафоры в документах судебной системы США. В результате исследования были выделены четыре уровня метафор [16]:

- уровень 1 — Doctrinal metaphors (метафоры-доктрины);
- уровень 2 — Legal method metaphors (методические метафоры);
- уровень 3 — Stylistic metaphors (стилистические метафоры);
- уровень 4 — Inherent metaphors (укорененные в сознании метафоры).

Автор доказывает идею о том, что ряд словоупотреблений в юридической практике носит метафорический характер и служит действенным коммуникативным приемом убеждения и мотивации.

Таким образом, принимая во внимание все вышесказанное, мы делаем *вывод* о том, что узкоспециализированный институциональный дискурс может изучаться в рамках когнитивного подхода. Более того, когнитивный принцип описания, в частности, юридического дискурса, позволяет выйти на глубинное понимание речепорождения в данном виде дискурса, прагматики высказывания и возможности речевого воздействия на личность.

Юридический дискурс не просто может изучаться в рамках когнитивного подхода, а его изучение с этой точки зрения является наиболее перспективным, позволяющим глубже понять структуру юридической метафоры, ее сущность и систему. Выводы должны отражать решенные задачи и быть лаконичными.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 5—32.
2. Буянова, Л. Ю. Термин как единица логоса / Л. Ю. Буянова. — Краснодар : КубГУ. — 2002. — 184 с.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В. И. Карасик. — URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения 31.10.2019).
4. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126—137.
5. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. — М., 2000. — С. 7—25.
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
7. Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти : утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10 янв. 2001 г. № 3/51.

8. Москвитина, Т. Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте / Т. Н. Москвитина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 11. — С. 270—283.
9. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П. Б. Паршин // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1986. — М., 1987. — С. 398—425.
10. Решенкин, А. Г. О языке судопроизводства и стиле судебного акта / А. Г. Решенкин, Н. В. Павлов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2001. — № 7. — С.114—121.
11. Федотова, О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях / О. С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4 (46). — С. 199—202.
12. Филиппов, А. В. Работа с кадрами. Психологический аспект / А. В. Филиппов. — М. : Экономика. — 1990. — 176 с.
13. Accardi, J. Winning closing arguments with narrative metaphor / J. Accardi // *The Prosecutor*. — 1999. — Nov. — Dec. — P. 12—34.
14. Childcare act 2016 Explanatory notes [Электронный ресурс]. — URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/5/pdfs/ukpgaen_20160005_en.pdf (дата обращения 31.10.2019).
15. Current Issues in the Interpretation of Federal Legislation. Justice Kenny 03 September 2013. Federal Court of Australia Digital law library [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/justice-kenny/kenny-j-20130903> (дата обращения 02.11.2019).
16. Alpert, G. P. Investigating racial profiling by the Miami-Dade Police Department: A multimethod approach / G. P. Alpert, R. G. Dunham, M. R. Smith // *Criminology & Public Policy*. — 2007. — No. 6 (1). — P. 25—55.

Сведения об авторах

Баландина Ирина Давидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. irfrish@mail.ru

Москвитина Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. moskvitinatn@cspu.ru

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией «Цифровые гуманитарные исследования», доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 21—28.*

COGNITIVE APPROACH IN THE DESCRIPTION OF JUDICIAL DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH)

I.D. Balandina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. irfrish@mail.ru

T.N. Moskvitina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. moskvitinatn@cspu.ru

Al.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article discusses different aspects of cognitive linguistics, putting a special emphasis on such terms and notions as cognition, cognitive aspect, cognitive approach, and cognitive principle. The authors distinguish between these notions and use legal discourse to illustrate their point of view. The article proves that discourse can and should be analyzed within the scope of cognitive studies as the process of text developing falls under the general laws of cognitive linguistics when the cognitive process influences the language and the language

itself helps to form extralinguistic reality. While defining the term “discourse” the authors find it important to coin new terms for discourses that are formed in professional communication. The term is “institutional professional discourse”. The article gives evidence that cognitive approach to the above-mentioned discourse is the most appropriate and the most fruitful in discourse studies and discourse analysis.

Keywords: *cognitive principle, cognitive approach, strictly special institutional discourse, judicial discourse, judicial metaphor.*

References

1. Arutjunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teorija metafory* [Metaphor theory]. Moscow, 1990. Pp. 5-32. (In Russ.).
2. Bujanova L.Ju. *Termin kak edinica logosa* [Term as the logos unit]. Krasnodar, 2002. 184 p. (In Russ.).
3. Karasik V.I. *O tipah diskursa* [On the discourse types]. Available at: <http://rus-ang.isu.ru/education/discipline/philology/diskurs/material/material2/>, accessed 31.10.2019. (In Russ.).
4. Kibrik A.A. Kognitivnye issledovanija po diskursu [Cognitive researches on discourse]. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistic questions], 1994, no. 5, pp. 126-137. (In Russ.).
5. Kubrjakova E.S. O ponjatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike [On the discourse notions and analyses in modern linguistics]. *Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost'* [Discourse, speech, speech activity]. Moscow, 2000. Pp. 7-25. (In Russ.).
6. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Luzina L.G., Pankrac Ju.G. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996. 245 p. (In Russ.).
7. *Metodicheskie pravila po organizacii zakonoproektnoj raboty Federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. Utverzhdeny Prikazom Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii i Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii ot 10 janvarja 2001, № 3/51* [Methodological rules for the organization of legislative work of Federal Executive authorities: approved by the Order of the Ministry of justice of the Russian Federation and the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation on January 10. 2001, No. 3/51]. (In Russ.).
8. Москвитина Т.Н. Ključevye slova i ih funkcii v nauchnom tekste [Keywords and their function in scientific text]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, no. 11, pp. 270-283. (In Russ.).
9. Parshin P.B. Lingvisticheskie metody v konceptual'noj rekonstrukcii [Linguistic methods in conceptual reconstruction]. *Sistemnye issledovanija: Metodologičeskie problemy. Ezhegodnik 1986* [System research: Methodological problems. Yearbook 1986]. Moscow, 1987. Pp. 398-425. (In Russ.).
10. Reshenkin A.G., Pavlov N.V. O jazyke sudoproizvodstva i stile sudebnogo akta [About the language of legal proceedings and the style of the judicial act]. *Vestnik Vysshego Arbitražnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2001, no. 7, pp. 114-121. (In Russ.).
11. Fedotova O.S. Kognitivnoe modelirovanie kak metod poznanija i izuchenija ob'ekta v nauchnyh issledovanijah [Cognitive modeling as a method of cognition and object study in scientific research]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Questions of theory and practice], 2015, no. 4 (46), pp. 199-202. (In Russ.).
12. Filippov A.V. *Rabota s kadrami. Psihologičeskij aspekt* [Work with personnel. Psychological aspect]. Moscow, 1990. 176 p. (In Russ.).
13. Accardi J. Winning Closing Arguments with Narrative Metaphor. *The Prosecutor*, 1999, Nov.-Dec., pp. 12-34.
14. *Childcare act 2016 Explanatory notes*. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/5/pdfs/ukpgaen_20160005_en.pdf, accessed on 31.10.2019.
15. Current Issues in the Interpretation of Federal Legislation. Justice Kenny 03 September 2013. *Federal Court of Australia Digital law library*. Available at: <https://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/justice-kenny/kenny-j-20130903>, accessed on 02.11.2019.
16. Michael R. Smith. Investigating racial profiling by the Miami-Dade Police Department: A multimethod approach. GP Alpert, RG Dunham, MR Smith. *Criminology & Public Policy*, 2007, no. 6 (1), pp. 25-55.